

Что есть современное представление об исламе и как оно соотносится с присущей любой религии буквализму и консерватизму. Информационное агентство IslamNews пообщалось на эту тему с известным мусульманским деятелем Татарстана, заместителем муфтия республики Рустамом Батровым.

- Рустам-хазрат, наблюдая последние десять лет жизнь Татарстана, отмечаешь активные усилия по укреплению и развитию международного имиджа республики, в том числе, и в религиозной сфере. Помнится еще в “нулевых” в республике много говорилось о “евроисламе”, о стремлении превратить Татарстан в своего рода российскую Боснию-Герцеговину. Как с этим обстоят дела ныне? Каково Ваше отношение к «евроисламской» модели?

– По-моему, такую модель в Татарстане хотел создать лишь один человек директор института истории Академии наук Татарстана Рафаэль Сибгатович Хакимов. Не скрою, я нахожусь с ним в дискуссии по данному вопросу. Я считаю, что концепция “евроислама” – это запоздалый проект. Он исходит из непонимания текущей ситуации, в том числе и религиозной, в мире и Татарстане в частности. Дело в том, что “евроислам” – это модернизационный проект. В эпоху модернизации и урбанизации, когда татары переходили из традиционного типа общества в общество модернистское, и появились такие концепции, как джадидизм и евроислам (кстати, Хакимов считает евроислам продолжением джадидизма). Модернизация – это задача, стоящая перед всеми традиционными обществами, но без “благословения” религии она невозможна. В Европе это проявилось в формате протестантизма, а у нас ответом на модернизацию стал джадидизм. Сегодня татарский народ модернизирован настолько, что чаша весов склонилась уже в другую сторону. Сегодня речь идет о сохранении собственной идентичности, о сохранении народа как такового. Татары уже настолько европеизировались, что набрана критическая масса для их полной ассимиляции и исчезновения с мировой арены как народа.

- Кстати, Вы не владеете цифрами, какой процент татар знает родной язык?

– Есть подсчеты, что приблизительно миллион татар не владеет родным языком, возможно, что эта цифра и занижена. Однако подсчеты не мои, поэтому я не могу их ни подтвердить, ни опровергнуть.

- В чем сегодня может в религиозном отношении выразиться подобное возвращение татар к истокам – местном варианте салафизма или какой-нибудь местной религиозной традиции?

– Конечно, салафизм актуализирует исламскую составляющую, исламский дискурс, но все же он мне представляется одним из инструментов глобализации. По идеологии он интернационален и представляет собой идеал того же потребительского общества только в религиозной сфере. К чему нас призывает традиционная культура? К тому, чтобы умерить свое эго, свой нафс. Ты должен склонять голову перед имамом махаллинской мечети, перед учителями мазхабов, перед сахабами, перед Пророком, перед Всевышним. Как говорят в Турции, до 40 лет ты еще не мужчина, можешь только чай подносить. Идея покорности, кстати, характерна не только для исламской религиозной культуры, но и для других исповеданий. А что такое салафизм? Образно говоря, это когда семнадцатилетний безусый парень, вооружившись Кораном и Сунной, поучает стариков, как им жить. Ведь им говорят – зачем тебе традиция, вот они здесь, все знания. И такой молодой человек, вооруженный знаниями в объеме трехмесячных курсов, щеголяет перед умудренными жизнью людьми своими знаниями Корана и хадисов. Конечно, с богословской точки зрения, во всем этом есть рациональное зерно, но оно не соотнобразуется с конкретной реальностью. Но с человеческой точки зрения, это потрафляет нафсу таких молодых людей. Им приятно осознавать, что они здесь главные, что они – пуп земли, могущие пнуть многовековую традицию. Получается, что в потребительской культуре, если говорить об экономической сфере, люди водят хороводы вокруг тугого кошелька, то в духовной – вокруг внешне эффектных, но формальных религиозных знаний в мусульманских науках. Кстати, салафизм борется именно с национальной составляющей, он не признает национальные формы бытования ислама, игнорируя религиозные обычаи и традиции, складывающиеся у народов того или иного региона. Это макдональдизация в духовной сфере. Салафизм здесь не поможет, нужно возрождать свои исконные богословские традиции, которые всегда были у татар. У нас за плечами многовековая история интеллектуальной религиозной жизни и сегодня все это необходимо актуализировать.

- Часто говорят, что в исламе (условно, конечно), существуют как бы два основополагающих тренда – «суфизм» и «салафизм», или иначе говоря, буквалистское и глубинно-мистическое понимание религии. Какой из этих трендов более характерен для татарской религиозности?

– Я бы более широко поставил вопрос. Испокон веков в мусульманском мире шла борьба между тенденциями, которые можно обозначить как «школа духовной мудрости» и «школа формального богословия». Асхабур-рай (сторонники независимого суждения) и асхабуль-хадис (сторонники предания) – это как раз об этом. Когда мы говорим о противостоянии «суфиев» и «факихов» ранее, и сегодняшнее деление на салафизм и традиционный ислам – это все однопорядковые явления. Салафитское богословие основано на формальном книжном знании, оторванном от реальной народной традиции. Традиционный же ислам апеллирует к местным обычаям традициям и особенностям. Поэтому речь не о противостоянии «суфизма» и «салафизма», а о том, пропускаем ли мы ислам сквозь культуру определенную культуру, с тем, чтобы вера и религия помогали человеку именно здесь, на этой земле, раскрывая его духовный потенциал.

- Вернемся к многонациональному и межрелигиозному моменту. Как Вы видите межрелигиозный дискурс в современном исламе? Как на это смотрят современные мусульмане? Считаете ли Вы, что мусульманам нужны знания о других религиях, и если да, то какие?

– Безусловно, я считаю именно так . Ведь себя можно познать только в зеркале другого, через знакомство с иными культурами и религиями. Чтобы увидеть красоту и глубину ислама, необходимо рассматривать его на фоне иных религиозных традиций, причем не только монотеистических. Для того, чтобы знать и понимать всю глубину Корана, необходимы основы многих наук, в том числе и естественных. Только в обрамлении научной мысли Коран станет понятным. И у нас в республике с этим проблем нет.

- В христианстве существует проблема сект и новых религиозных движений. Скажите, существует ли подобная проблема для ислама и мусульман?

– Конечно, отклонения существовали и существуют. В исламе, например, есть проблема ахмадийского движения, не признаваемого во всем мире как исламское и мусульманское. Но ислам несколько по иному смотрит на эту проблему, чем христианские церкви, призывающие к борьбе и противостоянию этим явлением. В исламе вообще нет понятия секта, оно христианского происхождения. Строго говоря, о секте можно говорить, когда есть понятие церкви, которое в исламе отсутствует. Есть, конечно, заблудшие люди, отошедшие от ортодоксии, но подлинный и ортодоксальный ислам определен. Ислам в этом отношении более гибок и плюралистичен и те, кто ошибается в одних вопросах, могут оказаться правыми в других. Он многогранен. Да,

есть люди, попавшие под влияние подобных течений, но не они определяют религиозную ситуацию в республике.

- Кстати, для иллюстрации. Как мусульмане относятся к «Вселенскому Храму» ушедшего ныне татарского художника и скульптора Ильдара Ханова, то возведен близ города, в поселке Старое Аракчино (Ильдар Ханов (1940-2013), современный татарский художник и скульптор. В 1994 году на участке земли, где стоит родительский дом начал строительство «Храма всех религий», известного также как «Храм мира» или «Вселенский храм»)? По замыслу Ханова, это сооружение, на котором присутствует символика всех основных религий мира не может и не должно использоваться для совершения молитв и каких-либо религиозных ритуалов, но должно стать исключительно культурно просветительским центром).

– Я смотрю на подобные вещи с той точки зрения, что ислам – это не рассуждения, это практика. Подобные проекты могут рождаться только в голове сугубо светского человека, смотрящего на все религии со стороны. Ислам – это практика, если хотите – духовный спорт. Тот, кто сидит на диване перед телевизором, одновременно может смотреть футбол шахматы, тяжелую и легкую атлетику. А тот, кто себя сам посвящает спорту, может выбрать только одно, если хочешь добиться каких-то успехов. Поэтому мусульмане, уважая другие религии, выбирают свой собственный путь и на этом пути достигают определенных вершин. А подобная, конечно же, внешне красивая религиозная мозаика храма всех религий, с точки зрения светского человека, но практического выхода она не имеет. Это все равно, что создать единый вид спорта из шахмат, тяжелой атлетики и футбола. Но уж если это здание построено, его можно было бы использовать, скажем, как музей религий, наподобие петербургского. Но верующие мусульмане никогда не рассматривали этот «храм» как культовое здание.